

составленные по приказу императора или экс-императора, их структурные элементы и процедура создания.

Ключевые слова: официальная поэтическая антология, японская поэзия, литературный канон.

Y.Osadcha, PhD, post-doc fellow

Taras Shevchenko Institute of Literature, NASU, Kyiv

COLLECTIONS OF JAPANESE POETRY OF CLASSIC PERIOD: THE PROBLEM OF LITERARY CANON'S FORMATION

The article reveals the formal literary, extra-literary and para-literary factors and conditions under which the literary canon was formed in medieval Japan. The main attention is focused on the official or so-called imperial collections of poetry, compiled at the behest of the Emperor or ex-Emperor, their structural elements, approaches and methods of composing.

Keywords: official collection of poetry, Japanese poetry, literary canon.

УДК 821.521

Е.Прасол, препод.

Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара, Днепропетровск

«ХРОНИКИ БОГИНИ» КИРИНО НАЦУО КАК НЕОМИФОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

В статье прослеживаются художественные смыслы, которые рождает реконструкция известного японского мифа в произведении Кирино Нацуо «Хроники Богини» (2009). В центре анализа главные мифологемы традиционной японской культуры, которые «одомашниваются» ситуациями повседневной жизни. Изучается, как древняя мифология становится инструментом художественной организации текста и средством выражения неких «вечных» психологических начал.

Ключевые слова: Н.Кирино, неомиф, мифологема, современная японская литература.

Усиливающийся интерес писателей и художников к мифологическим мотивам и образам, ренессанс которых в XX в. подтверждает концепцию ученых о гуманитарно-созидательной составляющей постмодернистской культуры [Hassan 2003; Мелетинский 1995; Элиадэ 1996], свидетельствует о важности осмысления функциональной роли мифа в современной литературе. Е.Мелетинский в работе о мифопэтике подчеркивает, что термин «пэтика мифотворчества» приобретает особое значение благодаря широкому использованию мифологических сюжетов в литературных произведениях XX века. Древняя мифология становится инструментом художественной организации текста и средством выражения «неких «вечных» психологических начал (любовь, страх, смерть) или стойких национальных культурных моделей» [Мелетинский 1995, с.10].

Такое обращение к мифу характерно не только для западной культуры и литературы: японская литература, которая в виду своего уникального развития на про-

тяжении XX века приобрела особый статус (о чем пишут такие исследователи, как Г.Чхартишвили, М.Нумано, С.Напьер и т.д.), представляет особый интерес в аспекте изучения семантики и поэтики модификаций известных японских мифологических сюжетов. Многие японские мифы повторяют темы, которые социопсихологически важны для всего человечества. В мифах закодированы надежды и страхи человека, которые представлены в культурно приемлемых формах, поэтому неудивительно, что некоторые мифы кажутся знакомыми западному культурному сознанию.

Являясь во многом синтезом двух культур (традиционной японской и западной), произведения современных японских писателей создают элементы как западных, так и исконно японских мифов. Так, в произведении Харуки Мураками «Хроники Заводной птицы» в центре поэтики – художественный синтез греческой классической мифологии (сюжеты об Орфее и Эвридике, а также о Тесее и Минотавре), и древнего японского мифа об Идзанаги и Идзанами. Последний миф – сердце японской культуры, и обращение к нему современных японских писателей не случайно.

В статье рассмотрены художественные смыслы, которые рождает литературная реконструкция известного японского мифа в произведении Кирино Нацуо «Хроники Богини» (女神記, 2009).

Кирино Нацуо (桐野 夏生, род. 7 октября 1951 в Канадзава, префектура Исикава) – псевдоним японской писательницы Мариико Хасиока, которая является одной из ярких представителей писательниц японской детективной литературы.

Известно, что писательница начала свою творческую карьеру в 1984 году, написав несколько романов в романтическом жанре. Однако этот жанр не пользуется особой популярностью в Японии, поэтому Кирино предпочла сосредоточиться на психологии преступления. Наибольшую популярность ей принес роман «Аут» (アウト, 1997), завоевавший также и несколько престижных литературных премий. На русский язык переведены романы «Аут», «Гротеск», «Хроники Богини» и «Нежные щечки».

Все произведения писательницы глубоко психологичны и эмоционально насыщены. Сама Кирино отмечает, что ее творчество следует рассматривать как репрезентацию современной японской жизни в противоположность Харуки Мураками, которого писательница упрекает в «глобализме и интернациональности», подразумевая, что его книги больше направлены на зарубежного читателя.

В своих романах Кирино сосредотачивается на судьбах женщин современной Японии, в результате чего ее творчество часто воспринимается как «феминизм нуар» [Тап 2013]. Автор пишет в убедительной реалистической манере, что заставляет читателя ощутить себя «в шкуре этих самых женщин». Так, в основе сюжета популярного романа писательницы «Аут» четыре женщины, работающие в ночную смену на фабрике по производству бенто, помогают коллеге убить и избавиться от тела неверного мужа, после чего празднуют победу на деньги, выплаченные страховой компанией.

Та же тема подчиненного положения женщины в обществе формирует ядро неомифологического романа «Хроники Богини», в котором реконструируется миф о создании Японии – центральный в японской мифологии. В основе сюжета древнего мифа – превосходство мужчины над женщиной, превосходство, сохранявшееся в Японии до недавнего времени. Шестнадцатилетняя Намима и ее старшая сестра Ка-

мику живут на острове в форме слезинки к юго-востоку от берегов Ямато. Как и другие героини Кирино, Намима мечтает вырваться за рамки иерархического общества, полного ограничений. В итоге ради любви и свободы она нарушает смертельные табу и сбегает с острова с возлюбленным, но он предает ее, и она оказывается в Царстве Мертвых, где и встречается с Богиней – Идзанами. Богиня предстает перед ней не только во всем своем божественном величии, она также показывает всю свою боль, гнев и тоску по жизни, которые совпадают с чувствами самой героини. Таким образом, миф выявляет свойственные Японии социально-психологические процессы.

В центре анализа главные мифологемы традиционной японской культуры, которые не просто переносятся в современный литературный контекст, а «одомашниваются» ситуациями повседневной жизни обыкновенного человека. Так, проводятся параллели между судьбой Богини и смертной женщины: последняя во многом повторяет то, что случилось в «божественном» сюжете. Повторы создают мифологическую цикличность описания жизни и ее трагизма, свойственного романам писательницы, а также очерчивают общечеловеческий архетип поведения.

Автор вводит несколько планов повествования, сталкивая мифологический сюжет с сюжетом «повседневности», показывая тяжесть и трагизм жизни людей и богов. Выделяются несколько планов повествования, которые при этом также дробятся. Так, на первом плане – жизнь Намимы, умершей от руки возлюбленного. Сюжет выстраивается как ее воспоминания о жизни на острове, ее смерть и существование в Царстве мертвых, а также возвращение в виде осы в мир живых, где она мстит своему бывшему мужу, смертельно жала его. Ко второму плану можно отнести приведенное Намимой описание «истории» Богини, которая полностью совпадает с известным сюжетом о сотворении Японии, взятом из литературного памятника древней японской литературы – «Кодзики». Вводя миф в текст, писательница как бы отстраняет описание: девушка передает сюжет мифа как что-то новое и доселе неизвестное, о чем она сама только что узнала. Миф в романе – не общеизвестный факт, он становится частью жизни и смерти героини. Третий план повествует о судьбе Идзанаги, живущем в мире людей под именем Якинахики. По авторскому замыслу, в определенный момент он решает прекратить свое «божественное» (то есть вечное, бессмертное и неизменное) существование и стать человеком, прожить жизнь простого смертного и принять смерть, как когда-то приняла ее Идзанами. Таким образом, происходит наложение «повседневного» плана (жизнь девушки на острове) и мифологического (жизнеописание богини, возвращение из царства мертвых, жизнеописание бога среди живых). Попавшая в царство мертвых Намима становится своеобразным медиатором, соединяющим эти планы. Показательным становится и то, что она, служительница Идзанами, является матерью Яёи, девушки, с которой хочет состариться и умереть Идзанаги, Бог. Другим медиатором выступает и сам Идзанаги, ибо он, Бог, из рассказанного мифа, продолжает жить в той реальности, которую вынуждена была покинуть не только Идзанами, богиня, но и Намима, человек, и в какой-то момент также сам становится человеком.

Мифологическое сознание, основанное на архетипах, и определяющееся постоянными повторами и цикличностью, часто связывают с ритуализмом. Характерно,

что «повседневность» жизни на острове регламентирована строгими сводами ритуалов и табу, – так в ироническом ключе развертывается сюжетная линия стойкого «следа» мифологичности сознания человека. Деконструкция принципа цикличности, повторяемости и, соответственно, ритуализма, проявлена в тексте в желании героини нарушить табу. Намима с детства противостоит системе, регламентирующей жизнь острова: она дружит с мальчиком из «проклятого» рода, она отдает ему запретную корзинку с остатками еды, которую недоедает ее сестра Камику, будущая жрица Света, она отказывается выполнять свои обязанности жрицы Тьмы, и когда приходит время, сбегает с Махито с острова. Но Намима – не единственная, кто пытается противостоять правилам. Ее сестра Камику (мико Света, то есть представительница закона на острове), будучи уже взрослой женщиной, великой жрицей, матерью и даже бабушкой, потеряв мужа и узнав о страшной тайне своего рода – рождении Яёи, которую всегда считала младшей сестрой Махито, решает покончить с собой – и чтобы, по законам острова вместе с ней не пришлось умирать Яёи (жрице Тьмы), она прыгает с обрыва (пока тело не найдут, ее нельзя считать погибшей). Сама Яёи, как и ее мать, Намима, также нарушает табу, и в день назначения ее на должность темной мико, служительницы мира мертвых, сбегает с острова вместе с заезжим гостем, которым оказывается не кто иной, как странствующий Идзанаги. Знаково, что все выступления против системы заканчиваются трагически: Намима гибнет от рук любимого мужа, план Камику не срабатывает, ее тело находят проезжие моряки и возвращают на остров. И лишь судьба Яёи остается неизвестной: Идзанами обещает ее не убивать, но взамен она берет жизнь Идзанаги, то есть, девушка остается совсем одна в незнакомом мире после побега с родного острова.

Важным композиционным принципом романа являются лейтмотивы. Так, лейтмотивом проходит тема женского начала как чего-то темного, грязного. Этот лейтмотив задается в приведенном мифе из «Кодзики», где после рождения Японии умирает именно богиня, что позволяет вписать японский миф в общемировой контекст – частую женское начало в мифологическом сознании неразрывно связано как с рождением, так и со смертью. Принцип Матери Земли, дающей жизнь, а также являющейся обителью мертвых, заложен и в образе Идзанами: «Какая ирония судьбы! Ежедневной заботой той, смысл жизни которой был рожать землю и детей, стало лишь умерщвлять людей» [Кирино 2011, с.131]. Этот мотив проявляется и при создании образа Намимы, которая является темным началом, и которая умирает вскоре после рождения ребенка. Это подчеркивает связь рождения и смерти с ролью женского начала: «После смерти из двух ценностей Идзанами досталась только «темная» часть. Земля, женщина, смерть, ночь, тьма, темное начало и скверна. Может быть, это и покажется дерзостью с моей стороны, но разве это не напоминало мою жизнь? Мне, которой на острове Морской змеи была уготовлена судьба «темного начала», которую посчитали за «скверну», были близки и понятны досада и гнев Идзанами» [Кирино 2011, с.132]. Автор вводит цикличность как поэтику повторов, проявленную на уровне текста, трансформируя свой роман в неомиф.

Эмоциональный фон произведения таков: гнев и тоска по жизни. Намима пишет о Богине, но ее судьба странным образом копирует мифологический сюжет. Как и

богиню, Намиму переполняет гнев, она не может забыть свою жизнь в мире людей. Она желает понять, почему ее предали, и, сама в том себе не признаваясь, стремится отомстить. Горечь двух женщин определяет важный лейтмотив произведения. Структура романа во многом напоминает ранние книги Кирино: женщина переживает предательство и должна пойти против того, что ее собственная семья и общество ожидает от нее.

Мифопоэтичность проявлена в романе Кирино на нескольких уровнях: в виде прямых цитат при пересказе известного сюжета, а также менее явных, но легко декодируемых аллюзий, одной из которых и выступает мифологема острова, занимающая центральное место в произведении. «Наш остров был удивительной формы: напоминал продолговатую слезинку» [Кирино 2011, с.7], отмечает героиня. Нетрудно догадаться, что речь идет о мифическом острове Оногородзима, первом, из созданных богами, месте, где боги впервые ступили на сушу. Помещая основную «человеческий», «повседневный» сюжет в такое мифопоэтическое пространство, автор дает понять о приближенности жизни на нем к жизни богов. Характерно, что жители острова никогда не слышали легенды о Идзанами и Идзанаги. К тому же география острова повторяет реальность богов: есть разделяющий знак между разными частями острова, местом жизни людей и кладбищем, «миром мертвых», а также запретной территорией.

Как указывает исследователь В.Кривонос, одним из свойств мифологического мышления является объяснение сущности объектов через историю их создания [Кривонос 2011]. Так, зная, как и кем был создан остров, можно предположить, что встреча на нем Идзанаги и Яёи, как и их взаимное чувство, неслучайны. Именно там, на острове Оногородзима по преданию Идзанами и Идзанаги, обойдя вокруг небесного столба, стали рожать других богов. В таком сюжетном ходе – поэтика повторений (цикличность времени, мотив Вечного Возвращения) и своеобразное (авторское) завершение цикла мифического существования Бога, возвращающегося на остров, с которого «все» и началось. (Где Бог «заново» влюбляется, смиряется с неминуемой для любого человеческого существа смертью, принимает свою – уже человеческую – судьбу).

Остров символизирует некое вневременное пространство: «Названия у острова не было. Мы по привычке звали его просто «остров» [Кирино 2011, с.11], что возводит остров в ранг архетипа, который выполняет и метафорические функции: остров – сама Япония, и его жители – японское общество, представленное со всеми своими проблемами в романе. Намима отмечает, что «на этом острове все предрешиено» [Кирино 2011, с.31]. В этих словах метафорически предстает Япония, которая живет по строгому своду правил и табу. «Наша судьба в том, чтобы жить на этом острове, и судьба острова зависит от нашей судьбы. Для этого мы все и рождены» [Кирино 2011, с.32]. При таком допущении (остров – метафора Японии) попытки героинь сбежать с острова – «в мир, где не подчиняются законам острова» – приобретают экзистенциальный смысл. Намима, нарушив запрет, испытывает не только страх, но и облегчение: «То, что я сделала, было ужасно, и страх обуял меня. Но вместе с тем я почувствовала облегчение от того, что нарушила запрет госпожи Микура, даже скорее запрет острова» [Кирино 2011, с.46].

В «Хрониках Богини» имплицитно заявлена мысль о том, что разница между мужчиной и женщиной больше, чем разница между богами и людьми. Можно говорить и о том, что в произведении Кирино миф дегеронизируется и переосмысливается, когда судьба богини сводится к судьбе обычной женщины, а национальный колорит лишь подчеркивает мифопоэтическую природу романа.

В статье обращение писательницы к древней японской мифологии как источнику поэтической образности и рождение в тексте новых смыслов выявляется анализом высвечивающихся расхождений между художественными установками автора и «первоначальными мифологическими смыслами» [Мелетинский, 1995] архаических символов, акцент на которых неожиданно может оказаться художественно значимее, чем пародийная игра посмодернистского деконструирующего ума. И обращение автора к архетипам национальной картины мира неслучаен: ведь архетип, как указывается в работе В.Кривоноса, «воспринимается психологически, эмоционально, и потому не может быть отторгнут рационально» [Кривонос, 2011]. Именно поэтому мы и можем говорить о неомифологических процессах в противовес демифологизации и развенчиванию известных стереотипов, сложившихся в японской культуре. Неомифологический роман Кирино глубоко психологичен и оперирует архетипами как средством художественной выразительности. В сакрализации образов острова, подземного царства, моря, первых Богов проявляется теснейшая, неразрывная связь мифа с японской национальной картиной мира.

Список использованной литературы:

1. Hassan I. Beyond postmodernism: toward an aesthetic of truth / Ihab Hassan // *Beyond Postmodernism: Reassessments in Literature, Theory, and Culture*. – 2003. – P.199 – 212.
2. Napier Susan J. *The Fantastic in Modern Japanese Literature: The Subversion of Modernity* / Susan J. Napier. – London: Routledge, 1996. – 252 p.
3. Tan Twan Eng. An archetypal story of female oppression in the myth of Japan's creation [Электронный ресурс] / Twan Eng Tan // *The Guardian*. – 2013. – 27 February. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/books/2013/feb/27/goddess-chronicle-natsuo-kirino-review> (25.03.2014 p.).
4. Кирино Н. Хроники Богини / Нацуо Кирино. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
5. Кривонос В. Смена культурных парадигм: миф или реальность? [Электронный ресурс] / Виталий Кривонос // *Літературна Дніпропетровщина*. – 2011. – 16 березня. – Режим доступа: <http://www.dniprolit.org.ua/archives/561> (25.03.2014 p.).
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М.Мелетинский. – 2-е изд.: М., 1995. – 407 с.
7. Нумано М. Граница японской литературы и ее сдвиги в мировом контексте [Электронный ресурс] / М.Нумано // *Иностранная литература*. – 2002. – №8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/8/numat.html> (25.03.2014 p.).
8. Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) [Электронный ресурс] / Г.Чхартишвили // *Иностранная литература*. – 1996. – №9. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/1996/9/vostoc_z.html (25.03.2014 p.).
9. Элиаде М. Аспекты мифа / М.Элиаде; [пер. с фр. В.Большакова]. – М.: «Инвест - ППП», СТ «ППП», 1996. – 240 с.

Є.Прасол, викл.

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Дніпропетровськ

«ХРОНІКИ БОГИНИ» КІРІНО НАЦУО ЯК НЕОМІФОЛОГІЧНИЙ РОМАН

У статті простежуються художні смисли, які виявляє реконструкція відомого японського міфу в творі Кіріно Нацуо «Хроніки Богині» (2009). У центрі аналізу головні міфологеми традиційної японської культури, які «одомашнюються» ситуаціями повсякденного життя. Вивчається, як стародавня міфологія стає інструментом художньої організації тексту і засобом вираження «вічних» психологічних начал.

Ключові слова: Кіріно Нацуо, неоміф, міфологема, сучасна японська література

Ye. Prasol, lecturer

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Dnipropetrovsk

NATSUO KIRINO'S "THE GODESS CHRONICLE" AS A NEOMYTHOLOGICAL NOVEL

The article reveals the artistic meanings of the reconstruction of the famous Japanese myth in Natsuo Kirino's "The Goddess Chronicle" (2009). The major mythologemes of traditional Japanese culture "domesticated" by the situations of everyday life are in the center of the analysis. The article studies strong influences of the ancient mythology on the artistic organization of the text and how it expresses some "eternal" psychological principles.

Key words: Natsuo Kirino, neomyth, mythologeme, contemporary Japanese literature

УДК 821.521

О.Усенко, ст. викл.

Дніпропетровський національний університет
імені Олеся Гончара, Дніпропетровськ

НОВА ЛІТЕРАТУРА ЯПОНСЬКОЮ МОВОЮ: ХІДЕО ЛЕВІ

Статтю присвячено аналізу нового для японської літератури явища – творчості авторів-іноземців, що пишуть японською мовою. Хідео Леві – перший із таких письменників, його романи визначний літературне феномен, який привертає увагу читачів і як соціальний феномен водночас.

Ключові слова: Хідео Леві, письменники-іноземці, японська мова, ідентичність, гібридність.

Глобалізаційні процеси призвели до значних трансформацій національних літератур. В Європі, а потім і в інших частинах світу почали виходити на літературну арену письменники, які пишуть не лише рідною мовою, але й мовою нової батьківщини. Варто згадати ірландця С.Бекета або чеха М.Кундера, які стали писати французькою, поляка Й.Конрада та росіянина В.Набокова, що прославились своїми англійськими творами. Попри відмінність мов і відсутність спорідненості традиційних культур на межі XIX-XX ст. з'явився перший японський письменник-іноземець